

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.2 (470)

Гранков Д.А.

Московский государственный областной университет

МЕМУАРЫ ЭМИГРАНТОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ УСАДЬБЫ

D. Grankov

Moscow State Regional University

EMIGRANTS' MEMOIRS AS A SOURCE OF STUDYING RUSSIAN ESTATES

Аннотация. В статье раскрывается значительный источниковый потенциал мемуаристики эмигрантов «первой волны» для изучения истории русской усадьбы. Выявлена неоднородность обнаруженных текстов, показано их разнообразие. Ввиду этого источники разделены на три группы согласно степени концентрации в них информации, начиная с тех, которые целиком посвящены усадьбам, и заканчивая теми, где встречаются лишь краткие отрывочные сведения. Привлекаются как опубликованные документы, так и архивные материалы. Рассматриваются причины актуальности усадебной тематики среди эмигрантов, а также раскрываются цели, которые преследовали мемуаристы, включая в свои произведения тексты об усадьбах.

Ключевые слова: мемуары, источниковедение, усадьбы, усадебоведение, эмиграция, дворянство.

Abstract. The author discloses the importance of the first wave emigrants' memoirs for the study of Russian estates' history. The article presents the heterogeneity of the texts discovered by the author and reveals their diversity. Due to this fact the author divides the memoirs into three groups according to the degree of their information importance. The author considers those, entirely devoted to the estates, to be the most important, and those, containing only short fragmentary information, to be the least important. The published documents as well as the archive materials are used. The author considers the reasons of the estate theme popularity among the Russian emigrants and discloses the reasons why memoirists included the texts about estates in their works.

Key words: memoirs, source study, estates, estate studying, emigration, nobility.

Корпус мемуаристики русского зарубежья является важнейшим источником для изучения и познания ключевых моментов отечественной истории, в том числе одной из наиболее приоритетных проблем истории дворянства – русской усадьбы. Привлечение данного пласта мемуарных документов в усадебоведении, во-первых, значительно обогащает источниковую базу исследований, решая, таким образом, одну из наиболее актуальных задач этого направления [10, с. 8; 13, с. 3], во-вторых, повышает научный уровень работ в данной области, в-третьих, географически и социально расширяет диапазон рассматриваемых усадеб. Введение в научный оборот массива ранее не привлекавшихся источников позволяет не только пол-

нее осветить и решить уже существующие проблемы, но и открыть новые перспективы в развитии отечественного усадебоведения. Круг затрагиваемых в мемуарах вопросов чрезвычайно велик – это и происхождение различных топонимов, и семейные предания, связанные с родовыми именами, детство в усадьбе [9], положение помещиков после отмены крепостного права, их отношения с крестьянами, характеристика обитателей усадеб, описание дворянских гнезд накануне и во время революции и т. д.

В корпус эмигрантской мемуаристики входят тысячи самых разнообразных по объему, форме и содержанию текстов, рассеянных по отечественным и зарубежным архивам, библиотекам и частным собраниям. Все обнаруженные мемуарные источники по истории русской усадьбы можно условно разделить на три группы согласно степени концентрации в них информации, начиная с тех, которые целиком посвящены этому вопросу, и заканчивая теми, где встречаются лишь краткие отрывочные сведения.

Количество текстов, специально посвященных воспоминаниям о русской усадьбе, невелико. Здесь нужно сказать в первую очередь о мемуарах Анатолия Львовича Маркова (1893–1961), потомственного дворянина из старинного курского рода, офицера, который в 1921 г. оказался в эмиграции. Автор многочисленных статей, воспоминаний, рассказов, он написал ряд очерков об усадьбе, объединенных после его смерти в книгу «Родные гнезда» (издана в 1962 г.) [16]. В первой её части идет повествование об истории рода, здесь воспоминания перемежаются с легендами, преданиями и «старыми семейными историями». Во второй части рассказывается о родовых имениях, расположенных в Щигровском уезде Курской губернии (подробно о двух – Теребуж и Александровка, перечисляются и несколько других, принадлежавших родственникам). Здесь же – слова о няне, о деревенской жизни, местных праздниках и ярмарках, о старом Воронеже. В третьей части – истории, связанные с деревней, с охотой, рыбной ловлей, а также воспоминания о лю-

бимых домашних животных. «Читая, невольно переносишься туда, в те времена. Перед глазами, как живые, встают люди, вырастают поместья, старинные дома, их обстановка, уклад жизни» [16, с. 6].

Среди других мемуарных произведений, специально посвященных усадьбам, можно назвать статьи, публиковавшиеся в русской зарубежной прессе: «Мой «Вишневый сад»» [14, с. 31-42] и «Село Берново» [14, с. 111-113], воспоминания известной художницы Варвары Бубновой (1886–1983); «Усадьба» [6] князя Сергея Михайловича Волконского (1860–1937); статья Николая Филипповича Добрышина «Наша усадьба» [11]; «Дворянские гнезда» [3, с. 171-182] художника Сергея Арсеньевича Виноградова (1869–1938) и некоторые другие. Должны быть учтены и неопубликованные тексты, среди которых, например, воспоминания Лидии Викторовны Анисимовой (ок. 1894–1979) «Меня в эмиграции называли помещицей...»¹. Эти краткие (на 6 листах) записки мемуарного характера представляют собой письмо А.И. Солженицыну. Автор рассказывает, как, будучи семнадцатилетней девушкой, ей пришлось принять на себя управление имением, где она жила вплоть до революции, – здесь и особенности ведения хозяйства, и взаимоотношения с крестьянами.

Во вторую группу источников можно выделить мемуары, в которых тема усадебной жизни – не единственная и не главная, но всё же выступает на одно из центральных мест. Например, известный дореволюционный политик, государственный и общественный деятель, Михаил Михайлович Осоргин (1861-1939) в своей книге «Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни» [19] постоянно, практически в каждой главе, возвращается к повествованию о Сергиевском, их бывшем имении в Калужской губернии.

Порой воспоминания об усадьбе в книгах выделены в специальные главы, названия которых часто носят имена родных мест: глава

¹ Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (далее – БФ РЗ). Ф. 1. Оп. 1. Е-44. 6 л.

«Выбити» (Новгородской губ.) в «Воспоминаниях» [1] известного государственного деятеля Бориса Александровича Васильчикова (1860–1931); главы «Фалль» (Ревельской губ.) и «Павловка» (Борисоглебского уезда Тамбовской губ.) в книге «Мои воспоминания» [5] князя Сергея Михайловича Волконского (1860–1937); «Хмелита» (Смоленской губ.), «Глубокое» (Опочецкого уезда Псковской губ.) и «Баловнево» (Данковского уезда Рязанской губ.) в мемуарах Николая Владимировича Волкова-Муромцева «Юность; От Вязьмы до Феодосии (1902–1920)» [4]; «Наш дом в Васильевском» (Смоленской губ.) в книге Павла Александровича Граббе (1901–?) «Окна на Неву. Мои юные годы в России» [8]; «Ильинское» (Московской губ.) в «Воспоминаниях» [20] великой княгини Марии Павловны (1890–1958). В неопубликованных источниках: «Масловка» (Бобровского уезда Воронежской губ.) в «Записках полковника Кавалергардского полка»¹ Дмитрия Ивановича Звегинцова (1880–1967); «Воробьевка» (Щигровского уезда Курской губ.) в «Мемуарах камергера высочайшего двора»² дипломата Сергея Дмитриевича Боткина (1869–1945); «Камыши» (Полтавской губ.) и «Камыши – дни особые» в воспоминаниях Татьяны Сергеевны Шатиловой (урожд. Бразоль) (ок. 1895–1989) «Отзвуки былого»³; «Сокиренцы» (Полтавской губ.) в воспоминаниях Павла Константиновича Ламздорф-Галаган (1879–1954)⁴ и другие.

Отдельно нужно сказать о книге выдающегося историка, искусствоведа и художника, Георгия Крескентьевича Лукомского (1884–1952) «Старые годы», изданной в 1923 г. в Берлине [15]. Автор – один из крупнейших исследователей усадеб начала XX в., его статьи о дворянских гнездах публиковались до революции в известных журналах «Столица и усадьба» и «Старые годы». Немалая часть его книги посвящена русской усадьбе. Это скорее исследование, чем мемуары в традиционной

форме. Однако здесь важно отметить связь мемуаристики с историографией, которая неизбежно возникает в сочинениях современников в результате небольшой отдаленности от описываемых в них событий. Такие произведения могут фигурировать одновременно и как исторические исследования, и как сочинения мемуарного характера [21, с. 262]. В данном случае Г.К. Лукомский приводит и личные воспоминания, и впечатления от посещения известных имений, и поднимает проблемы будущего русской усадьбы. Автор обозначил важность этой темы следующим образом: «Мы – свидетели явления, которое отметит историк русской культуры XIX–XX вв. и которое может быть названо: «Гибелью Помещичьей России» [15, с. 77].

В третью группу источников входят тексты, в которых содержатся отрывочные воспоминания об усадьбах, краткие свидетельства о жизни в деревне и состоянии помещичьих владений, разрушениях усадеб во время и после революции. Тем не менее и такие источники содержат ценную информацию, без них исследование русской усадьбы по мемуарам эмигрантов было бы неполным.

В контексте анализа письменных источников важно проследить, как складывался и чем мотивировался общественный интерес эмиграции к такому уникальному явлению, как русская усадьба. Помимо несознательного включения в мемуарные тексты усадебных мотивов, когда естественным образом жизнь в родном имении описывалась как часть личной истории, были и особенные цели, которые преследовали авторы, обращаясь к усадебной тематике. Необходимо отметить некоторые основания, объясняющие, почему для многих мемуаристов была так важна память об усадьбе.

Главным обстоятельством, которое отличает мемуары эмигрантов от всех прочих, выступает отдаленность авторов от родины. И как следствие – один из главных мотивов в творчестве – тоска по родной земле, по дому. Бывший Самарский губернский предводитель дворянства, затем член императорского кабинета министров, Александр Николаевич

¹ БФ РЗ. Ф. 1. Е-147. 153 л.

² БФ РЗ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1. 79 л.

³ БФ РЗ. Ф. 2. М-183. 327 л.

⁴ БФ РЗ. Ф. 2. М-88. 391 л.

Наумов (1868-1950), в эмиграции даже назвал свою виллу во Франции «Волга» в память о тех местах, где находилась родная Головкинская усадьба (Ставропольского уезда Самарской губ.) и где прошла большая часть жизни. Но не стоит сводить подобные явления к одной лишь ностальгии. Когда эмигранты оказались выброшенными из обжитого ограниченного пространства, во враждебный внешний мир, то испытали страх, они оказались беззащитными и слабыми. Укрытость и защищенность – важнейшие потребности человека. Сильная психологическая зависимость от дома отразилась в воспоминаниях [12, с. 232-240; 17, с. 161-163; 27, с. 22-25]. Известный публицист и литературовед Николай Александрович Цуриков (1886–1957) посвятил целую главу воспоминаний «очеркам помещичьей жизни». Под заголовком «Наши усадьбы» автор отмечал: «Дом... Это ведь не только «жилище», это гораздо большее. [...] не только «кров» для человека, не только потолок над головой, закрывающий от дождя» [24, с. 77]. Для многих символ дома – родная усадьба, мир гармонии и счастья. Можно обратить внимание на отзыв о Романе Гуле, авторе известного трехтомного мемуарного сочинения «Я унес Россию», в эмигрантской прессе: «В Романе Гуле еще жива та дворянско-помещичья связь с землей (выделено автором – прим. ДГ), со своим домом, со своим садом, со своими голубями, которых заводил и в отрочестве, и в деревне под Берлином, когда стал рабочим-земледелом» [23, с. 96]. Одна из попыток уйти от реальности настоящего, спастись, найти ту необходимую защищенность – обращение к памяти о прошлом, воспоминания. Юрист и общественный деятель Яков Львович Тейтель (1850–1939) писал о 1918-1920 гг., времени, когда приступил к составлению своих мемуаров: «Настоящее было мрачно, впереди никакого просвета. Оставалось одно прошлое, и вот я погрузился в это прошлое, стал им жить и изложил на бумаге то из него, что сохранилось в моей памяти» [22, с. 7-8].

Как одну из причин повышенного интереса к помещичьей жизни можно отметить стремление мемуаристов-дворян к самоидентифи-

кации, подчеркнуть свою принадлежность к исчезающему сословию и связь с прошлым Российского государства. Подобными мотивами и размышлениями наполнены мемуары известного историка, генеалога, члена Историко-Родословного Общества в Москве, а затем и в Нью-Йорке, Владимира Николаевича Смольянинова (1861-1942). Автор в подробностях повествует об истории своего рода, как бы синхронизируя ее с общей историей русского дворянства, и обо всех его представителях, при этом он рассказывает о различных поместьях, принадлежавших тем или иным родственникам и передававшихся по наследству¹. В мемуарах другого эмигранта, А.Н. Наумова, читаем: «Приволжская ветвь Наумовых ведет свое начало со времени пожалования Царем Алексеем Михайловичем стольнику Даниилу Наумову обширного поместья» [18, с. 6]. Можно констатировать, что история родовых гнезд оказалась неотделима от генеалогии, истории дворянства и истории России.

В мемуарах возникают подробности ведения хозяйства в имениях, описание отношений с крестьянством, подчеркиваются созидательные стороны деятельности помещиков до революции. Отчасти это связано с тем, что дворянское сословие даже в эмигрантской среде подвергалось нападкам, на них возлагалась ответственность за падение монархического строя, за революцию, за то, что крестьяне с такой жестокостью ринулись «ликвидировать частную собственность», разрушали и уничтожали усадьбы, захватывали помещичьи земли, вырубали сады и парки. Ввиду этого в дворянских кругах русской эмиграции приобрела актуальность проблема опровержения разных обвинительных выступлений, оправдания сословия; подчеркивалась культурная роль дворянских усадеб, акцентировались дружеские отношения с крестьянами, приводились частые примеры, когда помещик оказывал помощь деревне. «Прощайте дорогие, прощайте навсегда. Не мы погубили вас, не мы нанесли вам смертельные удары.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 643. 200 л.

Нет, совесть нам порукой, что, напротив, это мы молодые вдохнули в последние годы ваши дух новой жизни, здоровья и значительности – на общую пользу – и возможное общее спасение. Но – слишком поздно».¹ Эти слова в мемуарах офицера Евгения Евгеньевича Драшусова (1885–1969) обращены к родному Юраково (Рязанской губ.) и другим таким же навсегда покинутым своими хозяевами усадьбам.

Условия оторванности от России, отсутствие какой-либо информации о положении дел в стране заставляли эмигрантов фиксировать на бумаге то, что еще осталось в памяти о близком прошлом. Была неизвестна и судьба родных поместий. «В течение 14 лет мы отсюда не имели никаких известий...», – писала Лидия Леонидовна Васильчикова (1886–1948), фиксируя воспоминания об имении Левашовых Осиновая Роща (на границе с Финляндией) [2, с. 479–480]. Если какие-то сведения и приходили из Советского Союза, то это были не самые хорошие новости; многие из бывших владельцев усадеб были убеждены, что всё уничтожено (нередко так и было).

В контексте этого нужно сказать еще об одной заветной для многих эмигрантов цели – стремлении сохранить усадебное наследие, дать понять нынешним хозяевам, что в их руках теперь не просто «имущество», а памятники искусства, «достойные музеев». «Сохранение усадеб – одна из главных задач, в которой должны быть заинтересованы и руководители и сами крестьяне» – писал Г.К. Лукомский [15, с. 123]. Мотив сохранения усадебного прошлого, завещание, призывы, просьбы, мольбы наиболее ярко выразил С.М. Волконский в статье «Усадьба»: «Берите, – хотелось тогда говорить людям, – берите, только не уничтожайте». И далее: «Берегите усадьбы! Ведь это вещественные доказательства того, что есть ценности в жизни, нежели только ценность нивелирующего движения сохи» [6, с. 28].

Одним из главных устремлений при фиксации памяти об усадьбах было желание изобразить и сохранить для потомков обра-

зы родных мест, запечатлеть историю помещичьей России, ее культурное наследие, дать «будущему исследователю богатый и ценный материал для установления быта и условий жизни эпохи, ныне отошедшей в вечность и более неповторимой» [7, с. 6]. Князь Александр Дмитриевич Голицын (1874–1975), видный политический деятель, уездный предводитель харьковского дворянства, член III Государственной думы, оставил интересные и ценные воспоминания, охватывающие период с 1874 г. до эмиграции автора в 1920 г. В мемуарах ярко и подробно описан помещичий быт и деревенская жизнь, о которой он знал не понаслышке, отдельные главы посвящены охотничьим воспоминаниям и аграрным беспорядкам в 1905 г. Интересно, что, рассказывая предысторию создания своих мемуаров, он передает слова другого эмигранта, Н.Н. Львова, с которым случайно встретился в 1923 г. в Сербии. Однажды А.Д. Голицын застал того сидящим за каким-то рисунком. На вопрос, что он так старательно зарисовывает, Николай Николаевич ответил: «А вот видите, я стараюсь с возможной точностью воспроизвести рисунок той домашней мебели, которая наполняла дом моей деревенской усадьбы [...] помещичий быт отошел в вечность, возродиться ему нет никакой возможности, но сохранить его облик до мельчайших подробностей – это долг каждого, кто его знает» [7, с. 6].

Примечательно и то, что о русских усадьбах писали за границей не только их бывшие владельцы, кто застал прежнюю жизнь до революции, не только эмигранты «первой волны», но и их потомки, те, кто знал о родовых имениях лишь по рассказам. Родители не смогли передать детям поместья, но сохранили для них историю и любовь к родной земле. Уже в наше время сыновья и внуки бывших помещиков, покинувших усадьбы, интересуются историей своего прошлого, пытаются воссоздать образ ещё близкого, ещё родного родового гнезда.

Иулиания Сергеевна Шмеман (род. в 1923 г.) родилась в Германии после того, как её отец, С.М. Осоргин, с семьёй оказался в эмиграции.

¹ БФ РЗ. Ф. 1. Е-133. Л. 20.

Упомянув имя Осоргиных в Калужской губернии, она писала: «Для меня Сергиевское означает связь с отцом, которое ничто не может смутить» [25, с. 40]. Её сын, Сергей Александрович Шмеман, ныне живущий в США, побывал в Сергиевском в 1990-е гг. Им был собран обширный материал, освещающий историю деревни с конца XVIII до конца XX вв., на основе которого была написана книга «Эхо родной земли. Двести лет одного русского села» [26]. Как видим, связь между усадьбой, родовым гнездом и потомками их владельцев, представителями рода не разорвана и продолжает существовать в наши дни.

Таким образом, можно констатировать, что тема усадьбы долгое время оставалась актуальной среди русских эмигрантов, для многих она являлась живым образом ушедшего прошлого, неотъемлемой частью воспоминаний, истории. В рамках статьи представляется невозможным полностью охватить или хотя бы просто перечислить все мемуарные произведения, посвященные усадебной тематике. Однако, даже на примере указанных источников видно, что обширное мемуарное наследие эмиграции является богатейшим свидетельством для изучения русской усадьбы. В перспективе привлечение этого корпуса мемуаристики может расширить источниковую базу отечественного усадебоведения и значительно обогатить исследования в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильчиков Б.А. Воспоминания. – М.: Наше наследие, 2003. – 271 с.
2. Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1948. – СПб.: Петербургские сезоны, 1995. – 544 с.
3. Виноградов С.А. Пржежня Москва. – Рига: MultiCentrs, 2001. – 216 с.
4. Волков-Муромцев Н.В. Юность; От Вязьмы до Феодосии (1902 – 1920). – М.: Русский путь, Грааль, 1997. – 432 с.
5. Волконский С.М. Мои воспоминания: в 2 т. – Т.2: Родина. – М.: Захаров, 2004. – 544 с.
6. Волконский С.М. Усадьба // Источник. – 2002. – № 3 (57). – С. 25-32.
7. Голицын А.Д. Воспоминания. – М.: Русский путь, 2008. – 608 с.
8. Граббе П. Окна на Неву. Мои юные годы в России. – СПб.: Изд-во «Иванов и Лещинский», 1995. – 206 с.
9. Гранков Д.А. «Где жили, спокойно друг друга любя...» // Родина. – № 5, 2011. – С. 145-147.
10. Гудков А.А. Отечественное усадебоведение XX в. Опыт историографии: Автореф. дис. ... канд. исторических наук. – М., 2006.
11. Добрышин Н. Наша усадьба // Новое русское слово. – 1971. – № 22146. – С. 8.
12. Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919-1939). – СПб.: Златоуст, 2007. – 380 с.
13. Иванова Л.В. Предисловие // Русская усадьба на страницах журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба». – М., 1994. – 64 с.
14. Кожевникова И.П. Уроки постижения. Художник Варвара Бубнова: воспоминания, статьи, письма. – М.: Истина и жизнь, 1994. – 480 с.
15. Лукомский Г.К. Старые годы. – Берлин: Издание Е.А. Гутнова, 1923. – 155 с.
16. Марков (Шарки) А.Л. Родные гнезда. – Сан-Франциско, 1962. – 224 с.
17. Марков Б.В. Культура повседневности. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
18. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. – Кн. 1. – Нью-Йорк: Издание А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1954. – 377 с.
19. Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861-1920. – М.: Росс. Фонд Культуры, Студия ТРИТЭ, Российский Архив, 2008. – 1000 с.
20. Романова М.П. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. – М.: Захаров, 2004. – 512 с.
21. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
22. Тейтель Я.Л. Из моей жизни за сорок лет. – Париж: Издательство Я. Поволоцкий и Ко, 1925. – 241 с.
23. Филиппов Б. Роман Гуль – прозаик. К 90-летию // Новый журнал. – Нью-Йорк, март 1986 г. – № 162. – С. 95-102.
24. Цуриков Н.А. Прошлое. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 448 с.
25. Шмеман И.С. Моя жизнь с отцом Александром. – М.: Софийская набережная, 2008. – 160 с.
26. Шмеман С.А. Эхо родной земли. Двести лет одного русского села. – М.: Рудомино, 2003. – 323 с.
27. Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда. – Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1997. – 316 с.